
ОН НЕ ОСТАВЛЯЕТ СЛЕДОВ.
ТОЛЬКО КАРТУ.
НОЧНАЯ КАРТА ПРОПАВШИХ
ТРИЛЛЕР
АНАСТАСИЯ ЗАХАРОВА
18+

Анастасия Захарова

Ночная карта пропавших

«Автор»
2026

Захарова А. А.

Ночная карта пропавших / А. А. Захарова — «Автор», 2026

После ночной трансляции исчезает её подруга. Мария создаёт «ночную карту» пропавших — метки рождают узор, который ведёт прямо к охотнику; чем больше она выясняет, тем ближе становится страшная правда, и город начинает шептать кровавые имена.

© Захарова А. А., 2026
© Автор, 2026

Ночная карта пропавших

Глава 1. Пилот: Эфир и метка

Аня курила на кухне и смеялась так, будто вчерашний страх был шуткой. Она была низкого роста, вязаная шапка скукоживала рваные кудри, а губы всегда казались чуть слишком яркими — помада цвета тёмной вишни держала контраст с бледной кожей и широкой родинкой над верхней губой.

Одежда у неё была на век молодёжнопростая: потертая джинсовая куртка с нашивками, замусоленные кеды и худи, чьи рукава были оборваны, как у уличной куклы. Движения — быстрые, экспрессивные; голос — как заточенный инструмент, готовый играть на публике.На столе — два телефона, блокнот с каракулями и список «ночных точек»: «двор на углу», «подвал у старой аптеки», «крыла 7». Рядом — коробка с наклейками для стрима: логотип, хэштеги, одноразовые батарейки, ещё одна пачка микрофона. Бутылка дешевого красного вина стояла открытой; он был терпким, с нотами черной смородины, такой, что ртом оставался горькосладкий осадок. Аня любила именно такие вина — чтобы их вкус можно было почувствовать даже после сигареты.

«Знаешь, почему я люблю ночь?» — спросила она Марию, когда та зашла, облокотившись на стол с сумкой редакции. Маша была выше, строгая в облике: светлые волосы, собранные в тугой пучок, строгий плащ, который всегда пах дождём и шерстяными линиями. На ней были плотные джинсы и удобные ботинки — одежда человека, который привык не привлекать внимание, но замечать детали. Её губы были без помады, но часто с текстурой от крепкого чая; она предпочитала терпкий чёрный чай с лимоном, который пился быстро, чтобы не остаться на месте слишком долго.Они пили вино из пластиковых стаканов, переговаривались нараспев, как актёры перед выходом. Маша проверяла заряд батареи, распечатывала карту района и записывала в блокнот: «взять диктофон, спросить про камеры у Лёхи, спросить у Наташи в палатке». Её пальцы дрожали не от холода, а от предчувствия; оно было тонкое, как волос, но постоянное. Аня жевала чтото сладкое между репликами — батончик с карамелью, крошки оставались на её худи, и она сдержанно делала вид, что это забавно.

Аня шатко затянулась, фыркнула: «Хватит драматизировать. Я сниму занавеску города, и мы увидим, что под ней». Она надела худи, поправила наушник и сунула телефон в карман — всегда держала его готовым, как оружие. Перед выходом она сняла селфи: улыбка, блеск помады, подпись — «в эфире через 10». Маша сфотографировала подругу, потому что знала — через несколько часов она будет ждать эту фотографию как улику.

Двор принимал их холодно: фонари рядышком, шум машин, дальние голоса, запахи уличной кухни — запах жареных пирожков с капустой, пересекающийся с резким ароматом шаурмы, которая щедро поливалась острым соусом. Аня включила прямой эфир плавно, как режиссёр: «Всем привет, идём искать настоящую Москву». Чат вспыхнул сердечками и предупреждениями: «Осторожно», «Они там». Ей нравилось это напряжение зрителей — оно поднимало эфир как пару

Проход сужался; стены домов казались рядом, как два усталых человека, согнувшиеся в разговоре. На лавочке — бомж, который стёрся в темноте, волосы сбилась в колтун, и на лице у него был отпечаток дешёвого пива; мимо шел таксист с глухим взглядом, его пальцы пахли бензином и жжёной картошкой от длинной смены. Аня держала камеру ровно, вчитывалась в текст комментариев и иногда отвечала: «Не переживайте, я знаю эти места». Она смеялась, спрашивала, кого призвать в комментариях, как будто играла в пантомиму с тысячей чужих голосов.В момент, когда они вошли в арку между домами, чат стал шуметь подругому. Ктото заметил силуэт на краю кадра; ктото написал, что видел «человека без лица». Аня подшучивала: «Это модный аксессуар этого сезона», — и шагнула глубже. Камера зафиксировала её спину: худи облегало плечи, джинсы были затёрты в коленях, кеды — давно потеряли белизну.

Свет фонаря оставлял вокруг неё ореол, и в кадре она была актрисой, которую город обратил в зрелище.

На пятьдесят третьей секунде эфир будто на секунду «провалился»: звук стал тоньше, картинка дрогнула, а в чате появились короткие, резкие строки: «Отойди», «Стой». В реальном времени Маша услышала шаги — не в наушниках, а вдруг позади себя — и позвала: «Аня?» Ответа не последовало. Экран телефона показал только стену — мокрую плитку, брошенные листовки, скользкую лужу.Маша бросилась в арку и увидела только следы: отпечатки подошв, обрывки бумаги и крошки стекла, будто ктото прошёл насквозь и вытер следы в тишине. Никаких звонков, никаких голосов, только пустой эфир, который продолжал вещать кадр без хозяйки. Комментарии сыпались один за другим, ктото позвал полицию, ктото будто испытывал азарт: «Это хайп», «Она просто пошутила».

Сердце у Маши бешено билось. Она набрала номер подруги — гудки. Потом — знакомого из охраны, он сказал, что подъедет. Потом — 112. В ответ слышались стандартные фразы: «Ждите», «Заявление возьмём», «Самовольный уход — часто». Говорили так, как будто это была часть их должности — озвучить клише и отложить дело до завтра.Пока ждали, они собирали улики: скрины эфира, комментарии, старые сторис Ани, где та гуляла по тем же местам. На экране ноутбука Лена уже начинала строить карту — метки с координатами, временные штампы, ссылки. Каждая новая точка выглядела как болезненная капля: они соединяли их тонкими линиями, и постепенно на фоне Москвы вырисовывался узор.В какойто момент на анонимный мессенджер пришла фотография: зернистый кадр с силуэтом у арки. Ктото подписал её: «Следуй за светом». Второе сообщение было короче: «Не трогайте карту». Слова лежали на экране как вызов и как предупреждение одновременно.

Полиция ушла с формулой «обратитесь, если что», оставив список стандартных процедур и пустую уверенность в том, что завтра разберутся. На кухне редакции — их квартирном штабе — сигаретный дым клубился над монитором, чашки были полны кофейной гущи, а на столе лежали распечатки с кадрами эфира. Лена, с глазами, от которых невозможно было отвести взгляд, добавила метку в карту: координаты моментального кадра, время — 23:17. Лена была коренастой, в длинном пальто, с короткой стрижкой и тёплым шарфом; её руки пахли табаком и машинным маслом — она часто лазила в проводах и гаджетах до полуночи.«Это не случайность», — сказала она тихо. «Это паттерн». Она провела линию между несколькими старыми исчезновениями, и линия легла ровно, будто ктото уже протянул нитку через карту. На экране точки превратились в кольцо.Маша смотрела на экран и понимала: если это сеть — она не будет ждать официальных следов. У неё уже в голове был план: разместить карту, собрать людей, голоса. Создать то, чего полиция не хочет видеть. Но в этот момент телефон завибрировал снова — новое сообщение, анонимный аккаунт прислал видео. В кадре — длинная, рваная тень, мелькнувшая у того же подъезда, и ещё одно слово внизу: «Следующая».

Экран потускнел, комнату словно охватил холод. На столе упала фотография — та самая, сделанная в начале вечера: Аня улыбается в свете, ещё живая, ещё дерзкая. Рядом с ней, на листке карты, ктото аккуратно сделал маленькую метку чёрной ручкой, как подпись. Маша провела пальцем по метке; внутри всё вдруг застыло, как перед прыжком.Она встала. Рассвет был ещё далеко, но в окне уже начинало бледнеть небо. За пределами комнаты город спал, но это было только видимость. Гдето там, в лабиринтах ночной Москвы, чтото только что подтвердило, что их карта — не игра. Маша взяла куртку, фонарик и телефон. Её голос был ровным, как выстрел: «Мы начнём прямо сейчас».

Глава 2. Карта и линии

Утро сделало город бледным и сырым. Маша шла по пустому тротуару, куртка ещё пахла дымом и растворённым в кофе горечью. По дороге она купила два пирожка у палатки — один с капустой, влажный и тёплый, другой с мясом и соусом, который оставлял терпкое пятно на

пальцах. Еда была не для вкуса, а для движения: чтобы не застрять в месте и думать слишком долго.

Редакция выглядела хуже обычного: на столах лежали распечатки, в углу — блокнот с именами и датами, а на стене — распечатанная схема их карты, приколотая скотчем. «Ночная карта пропавших» — так заголовком значилось в файле, который Лена уже вывесила в черновик соцсети, чтобы собрать людей. Маша включила ноут: комментарии под постом текли, как ручей — ктото предлагал информацию, ктото писал истории о знакомых, ктото просто плевался от страха.Игорь — бывший оперативник, теперь охранник торгового центра, — пришёл первым. Он был широкоплечий, с короткой щетиной на лице и рубашкой в клетку; в прошлом его глаза видели не только цифры в отчётах, а сейчас они изучали линии на карте как подозрительный почерк. Он сел, саркастично улыбнулся и сразу начал практическое: «Если это чейто паттерн — надо смотреть на маршруты ухода и на места, где камеры мёртвы». Его голос был сухой, отточенный годами работы в отделе.— У нас есть три точки за последние два месяца, — сказала Лена, тыкая пальцем в монитор. — Все ночные, все в радиусе одного километра. У каждой точки — схожая временная рамка: от 22:30 до полуночи. И у каждой есть анонимные приглашения в чатах.— Значит, выбирает время, когда люди уязвимы, — пробормотал Игорь. — Когда город притихает и люди думают, что их никто не видит.

Они запустили страницу и карту официально: короткий пост о пропаже, просьба присылать любые сведения и интерактив, где каждый мог поставить метку. Первые несколько часов пришли жалобы и пустые тролликомменты, затем — сообщения от людей, которые заметили странные приглашения. Один молодой мужчина написал: «Мой сосед на втором этаже говорил по телефону о „ночном отборе“. Сказал: они выбирают тех, кто улыбается в кадре». Другой отправил видео с дверного домофона — замыленный кадр, где у подъезда мелькнула фигура в худи.Пост начал разгоняться: блогеры перепостили, ктото дал эфир, и волонтёры стали подходить лично. Появился поток тех, кому не всё равно: студенты с фонариками, люди среднего возраста, мужчины и женщины с тяжелыми рюкзаками, ктото с длинноногими тренерскими ботинками и ктото в аккуратных пальто, которых никогда не видели на ночных маршах. Среди них была и Наташа из палатки — та самая, у которой часто покупали пирожки; она принесла термос с крепким чаем и пакет бутербродов. «Я видела их раньше, — прошептала она, — люди вечером туда заходят и не возвращаются поутру».

Они начали опрашивать свидетелей. В маленьких помещениях, где пахло старой газетой и ржавчиной, люди рассказывали свои истории — одни честно, другие с оговорками. Таксист, который провёл ночь у того двора, говорил, что видел «человека в тёмном без лица», который садился в разные машины и быстро выходил. Бармен из соседнего клуба помнил девушку с яркой помадой, с которой знакомился посетитель «без эмоций», но он не стал вмешиваться: «Ему за это платят», — пожал плечами бармен.Следователь Петров, к которому сама Маша обращалась через знакомых, приходил в редакцию и отказывался выдавать документы, его улыбка была сухой и тёплая, как старая карточка: «Мы работаем», — говорил он, но сам не шёл дальше стандартной линии. «Мне кажется, у вас паника», — добавил он однажды, глядя на карту, и его взгляд был длинным и оценивающим. Маша слышала в нём и усталость, и нежелание тратить ресурсы.

Вечером Лена получила анонимное письмо: ссылка на старый форум и имя пользователя, который когдато публиковал странные фотографии ночного города. В профиле — старые фотографии человеков в тени, заметки о «собирателях света» и список мест. Лена быстро проанализировала следы; пользователь исчез из сети год назад, но его геометки совпадали с их картой на 70%.Игорь связал это с криминальной привычкой: «Ктото документирует места встреч и отмечает тех, кто приходит. Это не просто охотник — это коллекционер». Он предложил проверить камеры возле одной из точек, где, по архивам, была «просадка» в записях: странная полоса помех именно в момент исчезновения.Они пробрались к одной из камер —

через старых знакомых и нелегальные доступы. Камера стояла под крышей магазина, и запись была кривой: в кадре виднелась фигура, и рядом — силуэт, который как будто растворялся в воздухе. На 23:17 кадр дрогнул, а звук стал искажённым. Внизу файла ктото добавил пометку: «Вырезано». Это означало, что запись была подчищена — ктото косил следы.

В команде появился конфликт. Один из волонтеров, молодой парень по имени Саша, хотел вывести дело в прямой эфир и устроить ловушку, но Аня, чей образ висел теперь на странице в виде бледной аватарки, казалась для Миши (Маша использует уменьшительно?) слишком личной, чтобы играть с её памятью в шоу. Саша кричал, что нужна активность и хайп, чтобы привлечь внимание полиции, но Лена отвечала, что хайп может привлечь не тех, кого нужно, и что ловушка в прямом эфире может поставить под угрозу других людей.Игорь, который видел много и знал способы, говорил: «Ловушки — дело полиции. Мы собираем факты, раскрываем паттерны. Если ктото хочет стать героем — пусть идёт в своё место». Его голос остужал амбиции, но не гасил их.

Несмотря на предупреждения, группа решила проверить одну из точек ночью: двое волонтёров, Игорь и Маша. Они двигались тихо: фонари, карты, фонарики — все как в плохо отрежиссированном фильме, но каждый шаг был реальным и опасным. Маша шла впереди, её ботинки шуршали по мусору; в руке у неё был диктофон, на котором она шептала краткие заметки в случае чего.Подходя к арке, они заметили свежие следы: бутербродная обёртка, следы подошв, клочок ткани зажатый в щели двери. Ктото был здесь совсем недавно. Они следили по линии домой — и вдруг Лена тихо сжала руку Игоря: на углу стоял человек в худи, который наблюдал за ними и затем растворился в толпе, как будто был в курсе их передвижений.Игорь не стал преследовать; он запомнил лицо и сказал: «Он наблюдает. Это не первая наша цель». Маша записала всё на диктофон и чувствовала, как холод поднимается по спине. Её решение уже не было импульсом — это было выбором: смотреть дальше и не отступать.

На следующий день им пришло сообщение: видео, где была улыбка Ани, и рядом — аудиозапись, где слышен чейто тихий голос, произносящий её имя. Под этим файлом — подпись: «Хорошая карта, но слишком шумная публика». Затем — фотография, на которой был виден задний двор их штаб-квартиры, и внизу — рукописная буква «Д».Письмо было коротким и ясным. Это уже не просто предупреждение — это личное: ктото знает, где они встречаются. Команда поняла, что внимание действует в обе стороны: карта может вывести на свет следы, но и привлечь того, кто ходит по ним.Игорь предложил усилить безопасность: сменить место встреч, меньше писать в открытых постах и больше заниматься анонимными сборами. Лена же настаивала на публичности: «Если мы замкнёмся — мы потеряем помощь людей. Если мы откроемся — рискуем всем». Маша подумала о выборе — и её миссия стала как никогда сложной: как собрать правду, не поставив под удар того, кого уже нельзя вернуть.

Вечером, когда они устанавливали новую метку и добавляли информацию от таксиста, телефон Маши завибрировал. На экране — неизвестный номер и короткое сообщение: «Следующая — не та, что думаете». Внизу был файл: фотография, сделанная на расстоянии, где видно окно квартиры Ани — и на подоконнике лежала та самая пачка наклеек для стрима, аккуратно сложенная, как будто ктото проверил её. На снимке был также виден силуэт человека у двери дома напротив, и под ним — небольшая, незаметная отметка в виде черточки.Маша посмотрела на экран, затем на группу. Их карты, улики и линии были теперь не просто данными — они были целью. Комната задрожала, как струна, готовая оборваться. В этот момент в дверь редакции постучали три раза — не громко, но поделовому. Никто не ответил сразу: все замерли.Игорь тихо подошёл к двери, положил ладонь на ручку и сказал, глухо: — Ты не заходи, если это ловушка.Он открыл. На пороге лежала белая бумажка, как любая заметка в почтовом ящике. На ней было только одно слово, написанное ровным печатным почерком: «НАЧНИ».Комната вздрогнула от этого слова. На карте мигнула новая точка — не их, не найденная волонтёрами, а чужая, нанесённая чёрной ручкой поверх их схемы. Маша нагнулась и

проводила пальцем по линии. Внизу, почти незаметно, ктото стер одну из старых меток, как будто попытался вычеркнуть имя из истории.Телефон завибрировал снова. На экране мелькнуло сообщение: «Время идти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.